

Девочка по имени Солнце

Автор:

[Ксения Беленкова](#)

Девочка по имени Солнце

Ксения Александровна Беленкова

Только для девчонок

Соня Солнцева – просто молодец! Помирилась с подругой, после ссоры родителей вернула домой папу. Вот только в личной жизни у девушки большие проблемы. Соня влюбилась в парня лучшей подруги. И как такое могло произойти? Солнцева решает выкинуть красавца из головы, но, кажется, он сам не против их общения...

Ксения Беленкова

Девочка по имени Солнце

Ничего старого нет под солнцем – все происходит впервые и навсегда

Хорхе Луис Борхес

Весна

Все началось с картины Боттичелли «Весна». Да, именно в тот момент, когда я впервые увидела ее. Богиня любви Венера была печальна. И чем дольше я смотрела на снимок, тем сильнее мне хотелось разобраться: отчего богиня

выглядит такой одинокой? Рядом с ней, в апельсиновом саду, все были заняты лишь собою: Западный ветер любил Нимфу, которая тут же превращалась во Флору. Три грации танцевали, не замечая ничего вокруг, даже красавец Меркурий развернулся к Венере спиной. Любовь стояла позади всех, она протягивала изогнутую тонкую руку, но никто не видел ее. Никто. Я захлопнула художественный альбом, пусть Венера теперь упирается ладонью в страницу напротив, где про ее величие написано тесно, мелким шрифтом. Я ничего не хотела читать, мне вдруг стало нестерпимо жаль себя, совершенно одинокую в круговерти жизни. Бывает, оказавшись в незнакомом месте, ты замираешь посреди улицы, с завистью провожая взглядом тех, кто входит в свои подъезды или выходит из них. Все эти люди кажутся хозяевами жизни: они с деловым видом спешат куда-то или же, наоборот, мирно прогуливаются по знакомым дорожкам, порой кивают, улыбаясь друг другу, машут ладонями. Лишь ты чувствуешь себя чужой, будто случайно забралась в соседский сад и никак не можешь вылезти обратно. Но если вспомнить – всего лишь пару лет назад, во времена беспечного детства, мир вокруг казался манящим и теплым, как свежая булка. Дружелюбное было время, щедрая пора незаслуженного счастья, которое давалось просто так – лишь за то, что ты есть на этом свете. А мальчишки – от них замирало сердце! Я влюблялась как сумасшедшая и, признаться, не без взаимности. Куда ушло все это, где заблудилось-потерялось? Зачем настало одиночество, кто звал его на смену беспечной радости? Будто исчерпался положенный лимит дармовщины – теперь за счастье, дружбу и любовь следовало платить горестями и ссорами. Однажды папа шутя или всерьез (по нему не всегда понятно) сказал: «Когда все дается легко, душевная мышца атрофируется». Страшно представить себе такую немощь, но сейчас у меня это явственно получилось. Быть может, жизнь решила потренировать во мне ту самую мышцу? До сих пор не уверена, что анатомия предусматривает ее наличие в организме. Казалось бы, если долго находишься одна, есть время узнать себя хорошенько, я же знала о своей душе и ее мышцах не больше, чем о загадочной Венере, которая грустила в апельсиновом саду. Но Соню Солнцеву не захлопнешь, как художественный альбом, не отложишь на дальнюю полку. Приходится любоваться своей бледной физиономией каждый день: по утрам и вечерам, начищая зубы перед зеркалом, а еще днем, глядясь в круглое заляпанное окошечко пудреницы и стирая отпечатки туши, что размазывается каждый раз, стоит лишь погоде прикоснуться к глазам. Тот, кто придумал водостойкую тушь, кажется, ни разу не блуждал московскими дворами в январскую метель и не убегал от июльского ливня. В наших погодных условиях красят лицо лишь очень смелые женщины: как ни странно, ими всегда оказываются пенсионерки или школьницы. Сейчас я находилась дома, погода стояла ясная: под потолком ярко светил икеевский абажур. Но тушь все текла и

текла по моим щекам, и я размазывала ее пальцами, черную, мокрую. Внутри бушевала буря – вот что значит сила искусства! Именно в тот миг я решила во что бы то ни стало положить конец всему этому. Конечно, не себе, а одиночеству. Надо было все хорошенько обдумать, а еще лучше – записать: что же случилось со мной и как быть дальше? Тогда-то я и достала свой старый и добрый дневник...

Дневник

Тетрадь такая древняя, что выглядела допотопной. Можно было подумать, мой дневник вел какой-нибудь прогрессивный неандерталец. Во всяком случае, когда я читала эти записи, портрет автора восставал перед глазами, и, говоря откровенно, это было леденящее кровь зрелище. Сумасбродная, ветреная, самовлюбленная – но как же я завидовала сейчас себе той – четырнадцатилетней! Предметы вокруг тускнели, за окном дремал вечер, но меня уже не было в Москве, с первых строк я перенеслась на дачу, в необыкновенное лето два года назад. Как оно уместилось на этих страницах – это же просто чудо! Но вот, совсем незаметно пролетела последняя строка моей истории, каникулы закончились, три точки – и все. Я переворачивала чистые листы один за другим, словно пыталась отыскать там себя, но тетрадь молчала. Я знала, кем была тогда, в четырнадцать, но совершенно не могла понять: кем же стала теперь. Детская комната, где можно было ходить с закрытыми глазами – каждый предмет на своем месте долгие годы, – все здесь оставалось неизменным. Почему же сейчас я чувствовала себя воровкой, укравшей чужую тетрадь? Будто забралась в посторонний стол, переворошила забытые книги и блокноты, раскидала по полу исписанные ручки, а потом уселась прямо на месте преступления, чтобы читать, читать, читать... Я вернулась из прежней жизни, но не смогла найти настоящую, точно потерялась где-то в пути. Спросили бы меня: кто сидит посреди Сониной комнаты, разворошив ее прошлое? Нет ответа...

Где-то в другой реальности, а точнее в коридоре, надрывался звонок, потом он смолк и тут же раздался вновь – такой же нетерпеливый и протяжный, а потом в третий раз – усталый, короткий. Затем донесся лязг ключа в замке (он плохо поддавался в последнее время, дверь надо было чинить, но все не доходили руки), минуто-другую вершилась борьба человека с техническим прогрессом. В результате замок нехотя поддался, дверь распахнулась.

– Соня, ты дома? – крикнула мама.

Я молчала. Не подумайте, что скрывалась или поленилась выйти ей навстречу. Просто перестала понимать: дома я или нет, а если и дома – то кто такая? В коридоре хрустели пакеты, потом упали на пол сапоги. Мама умела стоя, упираясь носком одной ступни в пятку другой, вытолкнуть обувь с ног, а потом стряхнуть сапоги куда подальше. Я же, как ни корячилась, без помощи рук в этом процессе обойтись не могла. Видимо, подводил вестибулярный аппарат: странно осознавать, что какой-то внутренний орган порой руководит нами, а вовсе не наоборот. Что стоит человек с его разумом, силой воли, способностью свободно выбирать, а желудок диктует ему, где необходимо находиться в данную минуту, и с ним не поспоришь. Не переубедишь: мол, погоди, сейчас не время, я еще не готова освободиться от бремени, надо все хорошенько обдумать. Желудку не прикажешь подождать: я соберусь с мыслями и перезвоню, тогда решим наши проблемы. С ним нужно быть предельно послушной: самый своевольный и дерзкий человек на свете зависит от своего желудка, как малый ребенок – от груди матери, и с этим ничего не поделаешь.

– Ага, ты здесь! – босоногая мама уже стояла в дверях моей комнаты. – Я всегда подозревала, что у тебя нет слуха, только не думала, что наш звонок настолько музыкален. Неужели ты не слышала, как я трезвонила в квартиру?

– Привет, ма, – сказала я, радуясь хотя бы тому, что меня признали за свою в этом доме.

Выходит, снаружи я оставалась Соней Солнцевой, а это уже немало. Вспомнить хотя бы Игорька Иванова: с тех пор как этот обалдуй надел очки, всем кажется, будто он изрядно поумнел. Нельзя списывать со счетов видимость, когда общаешься с людьми. Некоторым она успешно заменяет все остальное.

– На улице я встретила Женю, – как ни в чем не бывало рассказывала мама. – Она помогла мне сумки до дома донести. Какая отзывчивая у тебя подруга!

Мне сейчас полагалось устыдиться: родная дочь не в состоянии попу от пола оторвать и открыть дверь, в то время как чужая девочка надрывается с пакетами. Я виновато потащила один из них на кухню: кажется, маме выдали всю зарплату йогуртами – ноша была тяжеленная. Вот вам еще одна ситуация, когда человек пытается обмануть свой организм, подкармливая его молочной

продукцией с маркировкой «0 % жирности». Мама купила тонну этих йогуртов, мечтая, что количество перерастет в качество. Насколько проще было бы слопать кусок жареного мяса и жить спокойно, чем вливать в себя эту безвкусную жижу с утра до вечера! Но спорить с мамой бесполезно, особенно когда она не права.

– Я предложила Жене зайти, только она почему-то не захотела. – Мама запихивала йогурты и творожки в холодильник.

Тот наотрез отказывался сходить, точно старое платье на потолстевшей фигуре, холодильник буквально не налезал на все эти сцепленные, как щиты обороняющейся дружины, упаковки. А я думала о Женьке.

– Что-то давно не видела ее у нас, – продолжала мама, поборов холодильник, как и входную дверь, силой интеллекта, не иначе. – Отчего Женя к тебе теперь не заходит?..

Женька

Мы поссорились. Все вышло как-то нелепо. Если честно, я даже не могу точно вспомнить, что именно случилось. Медленно-медленно, как высыхает белье во влажный день, дружба потихоньку испарялась из нас. И не разобрать – вроде только что мы были насквозь подругами, а потом глядишь – сухое приветствие, колючий взгляд... Я тогда почти не думала о Женьке, слишком много всего творилось в жизни, только успевай дышать. Сначала я пыталась таскать подругу с собой на свидания, но кому понравится всегда быть третьей? А с мальчишками у нее ничего путного не складывалось, она многого от них хотела. Один глуп, второй груб, третий скуп...

– Так одна и просидишь до института, – говорила я Женьке. – Довыбираешься!

Университеты в то время казались мне такими же далекими, как старость.

– Зато ты, Сонька, без разбору хватаешь, – отшучивалась Женя.

Быть может, мне вздумалось обидеться на такое замечание или же я сама ляпнула что-то, не подумав. Разговоры у нас выходили какие-то странные: просто лиса и журавль друг у друга в гостях. Женька, кажется, начала считать меня поверхностной, ее «клюв» долбил в мое плоское блюдо; я же, сколько ни совала нос в бездонный кувшин Женькиной души, видела там лишь темноту и пустоту. Вероятно, лучшее подруга хранила на самом дне, но мне туда было не добраться. Куда уж!

Помню, в детстве мы с Женькой часто ссорились. И разногласия наши были огромны, незабываемы: у кого кукла красивее? Пойти играть на качели или на карусели? Одну косу лучше носить или две? И после таких крепких споров и злейших обид мы как-то изыскивали в себе силы для прощения. Проходили минуты, часы, в редких случаях мог пролететь целый день, когда мы хранили злость друг на друга. Но в любом случае перемирие было неизбежно. У нас с Женькой организовался целый ритуал. Мы выбрали для всех мировых место нашего знакомства. Надо было, как в первый раз, выйти во двор и занять стартовые позиции возле песочницы, тогда Женька делала шаг мне навстречу и спрашивала:

– Девочка, как тебя зовут?

Я должна была называть свое имя басом, именно таким запомнила Женька мое первое слово. Дальше она бесстрашно предлагала:

– Давай дружить?

– Давай, – басила я.

После этого любой конфликт считался исчерпанным, обида забывалась, и мы тут же, взявшись за руки, двигались в лапы нашей крепкой дружбе.

И вот сейчас, когда ссора была столь пустяковой, что забылась до перемирия, я понимала: как раньше уже не будет. Женька не шагнет навстречу, не предложит дружбу, как делала это много-много раз, и мне не придется снова и снова изображать Шаляпина. Это выходило очень забавно, просто невероятно, когда мы притворялись детьми и знакомились заново. А уж смех потом стоял – даже животы ныли и сводило челюсти.

Я впервые за долгое время почувствовала, как мне не хватает Женьки. Надо было, наверное, нырять поглубже в ее «кувшин», все равно не утонула бы. А я, наоборот, нос воротила, считая, что подруга слишком много умничает и задается.

- Соня, ужинать! - Мама открыла банку консервированных ананасов.

Она всерьез считала, что от ананасов можно похудеть, якобы они сжигают жиры. Тоже мне - пожароопасные фрукты!

- Я не голодна, - соврала я.

Закрывает дверь в свою комнату и всерьез решила продолжить писать свой старый дневник. Необходимо было разобраться, что же произошло со мной за последние годы. Может, права была Женька, я растратила себя на всякие глупости, как незаметно уходит мелочь из кошелька: кажется, только что звенела и оттягивала карман, но вдруг полезешь за нужной монетой - и пустота. Подруги нет рядом, да и от мамы тоже скоро ничего не останется - сгорит на ананасах... А во всем будет виновата тетя Надя, я так считаю. Это она сказала маме о полноте: нет никакой дальновидности у тети Нади, несмотря на очки с толстыми стеклами. Ляпнуть такое, да еще в самый неподходящий момент! В любое другое время мама и внимания не обратила бы на подобное замечание, но тут ей словно разум отшибло - взяла и села на диету. Будто не было других свободных мест, где можно с удобством расположиться. Эта ситуация еще раз напомнила мне, как много людей вокруг сидят не на своем месте, вовсе не подозревая об этом. Но я стараюсь с мамой не спорить, это и раньше было бесполезно, а сейчас категорически противопоказано. Такое ощущение, что она постоянно спорит сама с собой где-то внутри, снаружи поглядишь - все в порядке: ходит и улыбается, радуется чему-то. Но я-то знаю, радоваться ей нечему, и если мама не ругает меня больше суток - значит, с ней не все в порядке. Даже сейчас не прикрикнула на дочь, когда я расселась в комнате и не вышла ее встречать, - у мамы были серьезные проблемы, только она отказывалась это признавать. И все из-за папы...

Родители

Вот уже пару месяцев мои родители не живут вместе. И подумать не могла, что когда-то скажу такое. Да я и сейчас не говорю, помалкиваю, вот только написать решилась. Папа с мамой всегда были в моем представлении единым существом – эдаким двухголовым драконом. И пускай головы порой ругались вдрызг, но куда им деться друг от друга? И вдруг, представьте себе, ни с того ни с сего одна голова берет и уходит жить к своей маме. А вторая еще и хлопает дверью ей в затылок так, что уши закладывает. И тут же в доме появляется новая – в очках и старомодном берете из ангорской шерсти. Это оказалась голова тети Нади, маминой школьной подруги, которая всегда недолюбливала папу за то, что он не слишком жаловал ее саму. Любить тетю Надю было сложно: она всегда строго щурилась, будто очки не подходили ей по диоптриям, отчего между бровей раньше времени залегли глубокие морщинки. Мама говорила, что на самом деле тетя Надя очень добрая и ранимая, а внешний вид – это броня. Но как же можно любить женщину, если она в броне? Я понимала страх папы перед такой амуницией.

Тетя Надя мигом оценила ситуацию и тут же освоилась у нас в квартире, как у себя дома: запросто прошла на кухню и начала готовить ужин, находя все необходимое буквально вслепую, так как запотевшие с улицы очки сняла еще при входе.

Я притаилась в коридоре за вешалкой и, забыв о приличиях, подслушивала их разговор.

– Рассказывай, что у вас случилось? – спрашивала между делом тетя Надя.

– Он всегда любил «Битлз» больше, чем «Роллинг стоунз»! – невпопад отвечала мама, прикладываясь к рюмке, куда подруга накапала валерьянки. – Я с самого начала должна была понять, что этот человек мне не пара...

– Может, он упрекнул тебя по поводу веса? – также невпопад спросила тетя Надя. – Они вечно недовольны нашим весом!

Под местоимением «они» тетя Надя понимала всех встречных мужчин, а под словом «нашим» – свой личный вес.

– А что у меня с весом? – вспыхнула мама, которая была в два раза тоньше тети Нади.

– Мне кажется, ты поправилась за этот год. – Добрая подруга вновь водрузила на нос очки, разглядывая маму. – Я-то считаю, что ты только похорошела! Но этим мужикам не угодишь...

Тогда мама прищурилась, будто у нее тоже было плохое зрение, но промолчала. А тетя Надя уже продолжала, увлеченно, с пониманием, дела старой девы, ни разу не побывавшей замужем, но знающей мужчин как облупленных.

– Ничего, перебесится, и жди обратно! Прибежит как миленький...

Мама будто бы начала вяло спорить, дальше подслушивать стало совсем неприлично. Мне показалось, ничего серьезного не произошло, папа в самом деле «перебесится» и вернется домой к завтраку. На завтрак у нас в то время подавали яичницу с беконом или пышный ароматный омлет, а еще толстые бутерброды с колбасой, папа это дело очень любил – ни одного завтрака не пропускал, сколько себя помню. Я тихонько вернулась к себе в комнату, легла в кровать и заснула мирным сном, уверенная, что папа нарисует к утру, как раз чтобы погулять с Собакиным. Но проходили дни, а папа так и не возвращался. Он звонил мне каждый вечер и уклончиво сообщал, что еще задержится у Розочки – мол, ему от матери на работу ближе добираться, да и помочь ей по хозяйству не помешало бы. Но это был чистейший обман: Розочка не вела хозяйство – бабушка жила красивой и яркой жизнью цветка, вокруг которого пчелами роились садовники, мечтающие возделывать ее сад. Поэтому вопросы текущих кранов и пыльных ковров решались моментально усилиями верных бабушкиных поклонников.

Тем временем мама вдруг взяла и села на диету, такого я от нее не ожидала и очень насторожилась. В холодильнике место колбасы и бекона заняли обезжиренные йогурты, завтраки стали пресными, после них сразу хотелось есть. Прошла неделя моего вынужденного поста – и вдруг вернулся папа! Но лишь для того, чтобы забрать с собой Собакина, которого я забывала лишний раз выгулять... А для отца это стало настоящим ритуалом – Собакин был без ума от радости, облизывая хозяина с головы до ног, вот уж кто по-настоящему соскучился. Видимо, из-за этого папа не заметил, как похудела мама. Он ушел к Розочке, даже не взглянув толком в сторону отощавшей жены, и тихонько, уже стоя на лестничной клетке, позвал меня в гости. Собакин семенил за папой с воодушевлением, помахивая мне на прощание хвостом.

На следующий же день мама купила себе дорогой фотоаппарат и сказала:

– Хватит! Всю жизнь я пахала на вас с отцом, пора подумать о себе. Теперь у меня наконец появилось время для хобби.

Мама записалась на курсы фотографии и еще в какое-то странное место – то ли тренинг личностного роста, то ли семинар по психологии, – в доме появились книги с пугающими названиями. Например, «Открытие новых возможностей» – мне и старых хватало, с ними бы разобраться, зачем захламлять себя новыми? А еще книга «Обретение гармонии, или Как победить одиночество» – вот честно, лучше бы мама от одиночества спасалась общением хотя бы со мной, чем в компании с книгой, обложка которой казалась залитой томатным соком! И наконец, самая ужасная книга Константина Котикова – «Как влюбить в себя любого (любую)». Не понимаю, зачем влюблять в себя любых, когда есть папа? Это Котиков завернул!

Тогда я наконец сообразила, что все очень серьезно. Мама стала не похожа сама на себя, папу я не видела целыми неделями. Вместо Собакина в доме поселился фотоаппарат. Вот так у меня под носом распалась собственная семья. Как же я могла раньше ничего не замечать? Мне не было никакого дела до родителей, нечего удивляться, что они совершенно отбились от рук. Голова моя в то время была забита мальчишками, точно тугая подушка – ватой...

Мальчишки

Не удивлюсь, если стану старой девой и начну искренне радоваться за подруг, если от них мужья сделают ноги. Уже больше месяца я ни с кем не встречаюсь – кажется, рассталась с Витькой как раз перед тем, как от нас ушел папа, или сразу после, но это уже неважно. Быть может, уход отца зародил во мне недоверие к мужчинам, я начала замечать, что иногда говорю как тетя Надя, которая стала частым гостем в нашем доме. Она и приносила маме все эти ужасные книги в мягких глянцевых обложках. Так вот, у меня возникло ощущение, будто малюсенькая тетя Надя поселилась где-то в районе левого виска, и каждый раз, когда я видела перед собой парня, она стучала острым молоточком, приговаривая: «Все они обманщики, все они трусы!» Я изо всех сил терла висок, только вот настырной тете Наде это было нипочем, она чувствовала

себя в моей голове, как и на нашей кухне, совершенной хозяйкой положения. «Вспомни, – твердила она, – чем закончились твои отношения с Пашкой Поляковым? А с Кириллом было лучше? И со всеми остальными тоже не все ладно!» И я тут же припоминала весь свой бесславный «послужной список» (так любил выражаться папа). Наверное, он тоже сидел где-то в моей голове, но сейчас был полностью подавлен авторитетом очкастой женщины в броне...

С Пашкой все закончилось само собой – стоило нам покинуть дачу, как исчезла магия: не стало общих секретов, развалился еловый шалаш. Забылось лето, старый дневник упал на дно ящика, чтобы сверху на него легли учебники, тетради – все то, что необходимо иметь под рукой осенью. Я не слишком утруждала себя занятиями, мама говорила, если бы не лень, я смогла бы многого добиться. Да, бороться за успеваемость я была не готова: зачем составлять конкуренцию тем, для кого важны пятерки в журнале? Оценки меня совсем не волновали. Если у самого Менделеева была тройка по химии, то зачем же мне прыгать выше его великой головы, которой приснилась целая таблица химических элементов? Ученый явно не пренебрегал сном. А взять Ньютона – тот вовсе был последним учеником, пока его хорошенько не вздул один дружок, тогда Исаак вознамерился побороть приятеля в знаниях и вскоре стал лучшим в классе. Видимо, с той поры удары стали хорошей мотивацией к его умственной деятельности, так что в зрелом возрасте, получив яблоком по темечку, Ньютон тут же вывел закон всемирного тяготения. Чехов тоже был хорош, но в своем роде: два раза оставался в гимназии на второй год – его высот неуспеваемости мне не достичь, это я поняла сразу.

Хотя папа всегда насмехался надо мной, он говорил: «Отставание в школе – это единственное, что роднит тебя с великими умами!» Так или иначе, свой интеллект я не слишком изводила нагрузками, зато сердце работало с полной отдачей. Сплошная любовь на уме. После Пашки Полякова я встречалась с Кириллом – это был сумасшедший роман, кажется, самый длинный в моей еще короткой жизни: мы встречались несколько месяцев, если не полгода. Ходили по улицам, сплетя мизинцы, распугивали голубей громким хохотом, а зорких старушек – долгими поцелуями. Где-то неделю мне казалось, что так будет всегда. Но с каждым новым днем «всегда» съеживалось, а через пару месяцев стало совсем крошечным. Однажды я шла по улице, мизинец мой был свободен, светило солнце, ветер скользил между пальцами, и мне это нравилось. Тогда я поняла, что могу жить счастливо без Кирилла. И почти сразу же влюбилась в другого мальчишку, вот только не помню, как его звали. Фамилия у него точно была Петров... или Петров появился уже после этого, безымянного, героя? Хоть заставьте меня носить туфли на размер меньше – не вспомню. Могу лишь твердо

сказать, что перед Витькой я встречалась с Денисом Бубенцовым, он снова атаковал меня все лето, как и в четырнадцать, а осенью, в отличие от Полякова, начал заявляться ко мне в гости с регулярностью будильника, который всегда звонит раньше, чем ты надеешься. Так вышло, что, нарисовавшись, по привычке, раньше времени, Денис застукал меня идущей из школы вместе с Витькой. Мы попытались спрятаться в кустах, но это было слишком даже для меня: ползать по задворкам с одним парнем, когда другой выискивает нас с зоркостью орла, каждый миг готового атаковать добычу. Пришлось вылезать из кустов самой, потом доставать из них Витьку, пытаюсь представить нашу прогулку невинной, как стихи Барто. Но Денис ничего не хотел слушать, он ушел: неугомонный будильник сломался – звонков от него больше не было. А я уже вовсю крутила с Витькой, нам было весело вдвоем, хотя он оказался порядком трусоват, что доконало меня уже через несколько недель. Витьку я бросила в кустах (как раз по соседству с теми, в которых нашла), он прятал там наши отношения от матери. А я не зайчик, чтобы сидеть под кустиком каждый раз, когда во двор пожалуют его родственники.

Так потихоньку распались все мои отношения. До сих пор я общаюсь лишь с Ромкой, а все потому, что он живет очень далеко, в Новосибирске, с ним не так-то просто поссориться. И даже если я не вспоминаю о нем по несколько месяцев, стоит выйти в Интернет, как он сразу оказывается рядом. Я поняла, кто мне нужен сейчас! Как же я забыла о своем старинном друге? Кто бы мог предположить, что несколько дней в Турции да детское касание губ на прощание сохранят связь между нами более крепкую и долгую, чем все мои влюбленности?..

Тем вечером Ромка был в Сети, как и каждый раз, когда я расставалась с кем-то, ссорилась с родителями или просто хотела поболтать. Очевидно, он сталкивался в жизни с бедами посерьезнее Сони Солнцевой – Ромке все было нипочем. Он продолжал шутить как заведенный, даже если я выливала на него бочку своих переживаний – тот еще гусь.

Я осталась совсем одна, – написала Ромке. – Перестала понимать, кто я. Раньше была чьей-то подругой, девушкой, дочерью, наконец. А теперь не могу понять, что от меня осталось? Родители разошлись, с подругой поссорилась, даже с парнями перестала встречаться!

Ромка ответил не сразу, я даже испугалась, что именно сейчас он окажется занят – потеряется последняя ниточка, связывающая меня с прошлым, с собой.

Уже поздно, ты, наверное, устала, – наконец написал он. – Шла бы лучше спать. Уверен, утром найдешь всю себя на постели. И дочь, и подругу, и девушку. Разошли их всех по делам, а та, что останется, сможет хорошенько выспаться. Везет, что тебя так много, я у себя один».

Ромка опять шутил, он не понял, насколько все серьезно. Тогда я стала писать ему про то, о чем молчал дневник вот уже два года – что стало с мамой после ухода отца, про Женьку, которую не смею теперь называть подругой, про то, что ребята больше не обрывают мой телефон...

Как же мне быть? – спрашивала у друга. – У меня никого не осталось!

Ромка опять молчал, заснул, наверное, моя история вышла слишком затянутой. И вот, когда я уже собралась захлопнуть крышку ноутбука, отчаявшись получить ответ, пришло сообщение:

Не вижу проблемы. Если ты знаешь, кто тебе дорог, верни их.

Вот так просто. Возьми и верни, будто это не живые люди, а безропотные бумеранги, всегда возвращающиеся к тому, кто их бросает!

А я и не говорил, что это просто, – настаивал Ромка. – Но у тебя получится, уверен.

Оказывается, это очень важно, когда кто-то в тебе уверен. Становится стыдно его подводить, начинаешь думать: а вдруг тебе это в самом деле по силам?

Считаешь, это возможно – вернуть близких?

Факт! Если они живы-здоровы.

Тогда я решила начать с Женьки: надеюсь, она в полном здравии. Завтра же попробую вернуть ее. Пусть в этот раз она не сделает первого шага, теперь дело за мной. Пообещав себе, что с самого утра стану тренировать встречные шаги, я залезла в кровать, прижала к себе старого любимого медведя и не успела подумать, что от нервного напряжения не сомкну глаз, как тут же провалилась в темноту. Ночь вокруг была густая, как черничный кисель, в такую тьму сны

снятые сладкие, вязкие...

Возвращение

Если бы вы знали, как это здорово – помириться со старой подругой! Казалось бы, все потеряно безвозвратно, но случается, что за секунду жизнь твоя меняется – только успевай меняться вслед за ней.

Я стояла напротив Женькиного дома, ждала и собиралась с духом: хоть бы ее мама прошла, груженная тяжелыми сумками, тогда у меня появился бы предлог проводить ее до квартиры. Но двор был пуст: как назло, ни одной мамы. Темные окна остекленело уставились на меня, им неведомы страдания юной души. Наконец я смогла зайти в подъезд: дверь установили новую, с кодовым замком, но кто-то выходил на улицу – мне повезло прошмыгнуть внутрь. Помню, раньше стены здесь были зеленые, такого неприятного, пронзительного цвета, что перебивал аппетит, – теперь они мягко желтели, точно залитые топленным молоком. Мне даже захотелось есть, что немудрено после тушеных овощей, которыми потчевала мама. Я стояла посреди чужого подъезда, прокравшись в него, как воровка, и горло перехватывало от волнения – невозможно было в это поверить, но я словно возвращалась домой! Будто здесь, в этих старых стенах под свежей краской, застрял кусочек меня самой, который теперь нашелся. Что-то неуловимое щекотало нос, подступало слезами к глазам: быть может, виноват дух этого дома или каменный пол, неповторимый узор которого мы с Женькой часто рассматривали в детстве, придумывая какие-то глупые истории, будто это и не пол вовсе, а каменистый остров? Сколько я не была здесь – полгода? Или уже год? Ноги почему-то стали такими тяжелыми, что и шагу не ступить. Я прислонилась плечом к стене, а потом согнулась, будто неведомая сила давила на меня или это был страх, что, если Женька прогонит меня, быть может, я не нужна ей больше? Перед глазами стоял каменный пол, такой близкий, как в детстве. Можно было сейчас же повернуть назад, оставив прошлое под новым кодовым замком, выбежать туда, где ветер наполняет легкие, где высокое небо и вокруг только настоящее и будущее. Я выпрямилась (ноги снова слушались) и повернула назад, готовая убраться восвояси, но тут будто кто-то невидимый и могучий дернул за шарнир – дверь открылась сама. В подъезд вошла Женькина бабушка.

– Соня, ну надо же! – Она была удивлена. – Ты откуда здесь? Давненько тебя не видела...

Я стала искать предлог, хотела объяснить, что забыла в этом подъезде. И тут же вспомнила: на этаж выше Женьки живет Игорь Иванов, я запросто могла сказать, что ходила к нему в гости, а теперь очень спешу домой. Я вздохнула поглубже и твердо ответила:

– Пришла к Жене.

Хватит вранья – я забыла здесь себя, возможно, свою лучшую сторону. Отступить сейчас – значит, вернуться в чужую жизнь, пусть она и выглядит точно своя собственная.

– Пойдем, пойдем! – Женькина бабушка приобняла меня за спину и подтолкнула к лифту.

Она больше ничего не спрашивала, а смотрела так, словно видит не меня, а старое кино, где ей знаком каждый кадр – все, что было, и все, что будет. Я опять почувствовала себя маленькой девочкой, но никак не могла понять, чего мне больше хочется – плакать или смеяться. А еще почему-то в голову лезли глупые мысли: как Женька открывает дверь и, увидев подругу, выглядывающую из-за плеча ее старой бабушки, тут же спускает меня с лестницы. Прямо хватает за шкирку и для ускорения отвешивает порядочного пинка. «Катись колбаской!» – кричит мне вслед. А я прощально помахиваю пяткой. Чего только не привидится человеку, пока он поднимается в лифте на шестой этаж, где его ожидает судьбоносная встреча! Не так-то просто посмотреть в глаза подруге, с которой не разговаривала несколько месяцев. Нужно быть готовой ко всему. Кажется, я меньше волновалась на итоговом тесте по географии, хотя со страху не отличала Северный полюс от Южного. Когда Женькина бабушка позвонила в квартиру, я даже зажмурилась. Какое-то время стояла тишина, потом замки затрещали-заскрипели, дверь распахнулась, но вокруг было темно – я не открывала глаза.

– Вот так люди! Соня! – раздался бас Женькиного отца.

– Здравьете... – Я часто заморгала, будто меня не к месту хватил тик.

– А Жени нет дома. – Только тут я заметила молоток в его руке.

– Тогда я попозже зайду, – попятилась, отступая к лифту.

– А ну-ка, проходи! – Бабушка буквально силком протолкнула меня в коридор. – Подождешь Женю у нас. Надеюсь, у тебя есть время?

Я кивнула, спорить с Жениной бабушкой было опаснее, чем с моей мамой. Обиженная мама грозилась расправой, а бабушка тотчас собиралась умереть, не сходя с этого места. Стоило нам с Женькой провиниться, как ее бабушка трагически изрекала: «Вы меня в могилу сведете!» Это действовало безотказно, брать грех на душу в столь юном возрасте нам совершенно не улыбалось.

– Мне как раз нужна помощница! – Женькин папа боевито размахивал молотком. – Нам тут комод из «Икеи» доставили, вспоминаю детство, играю в конструктор.

– Так-так-так, – поцокала языком бабушка. – Значит, на сборке сэкономил?

– Все будет в лучшем виде! – хорохорился папа. – Сейчас Соня мне поможет, все пазы сойдутся – и приходите принимать работу.

– Приготовлю-ка я пока ужин, – вздохнула бабушка, по ее виду было похоже, что у нее есть время разделить мамонта.

И тут я снова чуть не расплакалась, вспомнив ароматы, что постоянно витали в Женькином доме, пирожки ее строгой бабушки; а за пирожками в памяти пролетели наши секреты, игры, шалости... Сколько всего произошло со мной в этой квартире, здесь до сих пор жили тайны, о которых я позабыла.

– Соня, поддержи ящик!

Женькин папа пыхтел над комодом, точно скульптор над своим лучшим изваянием, он принюхивался к дереву, отслеживал пальцами его уникальный рисунок. Могу поклясться, он мог бы стать отменным лесником, с такой-то любовью к деревяшкам. Я скорее мешалась под ногами, чем помогала, но настал и мой час. Нужно было крепко держать угол верхней столешницы, пытаюсь

совместить маленькие дырочки с деревянными штырьками, которые Женькин папа любовно повколачивал в основу. Я старалась изо всех сил, но дырки упорно ползли вниз, а штырьки, как ни стремились войти в пазы, вечно пружинили вверх. От натуги я высовывала язык и выпучивала глаза, руки и ноги уже тряслись из-за длительного напряжения, и тут домой вернулась Женька. Она застала меня в обличье бешеной собаки: кажется, с языка у меня сочилась слюна.

- Ты? - Женька была ошарашена.

А я не могла понять, к кому она обращается, к бешеной собаке или ко мне.

- Соня? - Женька тронула меня за плечо. - С тобой все в порядке?

Сглотнув слюну, я начала кивать головой, как болванчик, отчего стала выглядеть еще глупее, но Женька почему-то и не думала смеяться. Я не знала, что сказать подруге, но, когда уже собралась промолвить самое главное: «Привет!» - меня вдруг накрыло подлой столешницей. Она будто нарочно выжидала миг, чтобы обрушиться на меня: в лоб влетели деревянные штырьки, в ушах раздался какой-то глуховатый свист. Вокруг началась суета, меня о чем-то спрашивали, но свист мешал разобрать слова. Я твердила одно:

- Все хорошо, мне не больно. Все хорошо, все хорошо...

- Только не вздумай терять сознание, - Женька убирала волосы с моего лба, чтобы оценить ущерб, нанесенный столешницей, - я так по тебе соскучилась!

Она был совсем рядом - какая-то другая, повзрослевшая, что ли, но все же моя родная Женька, я вцепилась в нее, прижала изо всех сил и расплакалась, вовсе не от боли. Просто была очень рада сидеть здесь - на полу, в Женькином коридоре, с синяками от штырьков на лбу - и вот так запросто обнимать подругу.

- Ты на меня не сердись? - шептала куда-то Женьке в подмышку.

- За что? Я думала, это ты на меня сердись. Правда, уже забыла причину...

У нас появился надежный шанс узнать истину – кто же кого обидел? Но тут неугомонная столешница накрыла Женькиного папу. И вместо того, чтобы копаться в прошлом, нам тут же пришлось извлекать отца семейства из-под деревянной крышки. А потом мы дружно водружали столешницу на ее законное место, за работой все плохое отступало, выжималось из наших тел вместе с потом, а на смену приходила приятная усталость. Особенно здорово было смотреть, как новенький, только что сложенный комод украшает коридор. Он распростерся под зеркалом, выставив свои углы в четыре стороны, так самоуверенно, будто находился здесь всегда. Мы стояли вокруг довольные, я потирала лоб, Женькин папа – затылок.

– Принимайте работу! – крикнул он.

Из кухни неспешно выплыла бабушка. Поправив очки на носу, она уставилась на комод, погладила его бока, пристально осмотрела пол вокруг, будто выискивая царапины.

– А где же лишние детали? – спросила наконец.

– Что? – не понял папа. – Какие лишние детали? Все укомплектовано верно.

– При сборке мебели всегда должно оставаться несколько лишних деталей, – настаивала бабушка. – Иначе получается совершенное строение, а такие вещи нежизнеспособны в нашем мире.

Мы переглянулись, Женька улыбалась, папа смущенно развел руками. Как раз в этот момент произошло явление настоящего «ревизора»: домой вернулась Женькина мама.

– Что это? – спросил она, указывая на комод.

– Подарок тебе! – гордо сообщил папа.

– Он же весь коридор перегородил!

– А куда прикажешь твои вещи складывать, которые по квартире раскиданы? Все заполонили!

В доме назревал конфликт, Женька потащила меня в свою комнату, но из-за двери еще долго слышалась ругань.

– С ними рехнешься! – Женька включила музыку, и родителей стал перекрикивать Джастин Бибер. – Извини. Сейчас покричат, выпустят пар и будут сюсюкать за ужином как ни в чем не бывало.

– Тебе повезло... – Я не шутила.

Но Женька подумала, будто я издеваюсь.

– Это тебе повезло, – сказала она. – Твои-то никогда не ругаются.

– Ага, не ругаются, – согласилась я. – Они теперь и не живут вместе.

Кажется, я впервые произнесла это вслух. И Женька стояла рядом, ошарашенная, не зная, что мне ответить. Теперь-то она видела, что я не шучу, все серьезнее некуда.

– Девочки, идите ужинать! – позвала бабушка, спасая Женьку от печальных раздумий.

И мы пошли за стол. Женькины родители и правда нежничали друг с другом, точно слепые котята – терлись носами, никого не стесняясь. Комод переехал в угол коридора, на нем уже стояла высокая ваза. За столом все шутили, даже строгая бабушка улыбалась, глядя, как мы с Женькой уминаем домашние пельмени, переглядываемся, строим друг другу глупые рожицы, а потом в шутку толкаемся локтями. Все вернулось: наша дружба нашлась, она была как новенькая, даже лучше! И вдруг я вспомнила о маме – как она там одна, среди йогуртов?

– Ой, мне же домой пора! – Я отправила языком пару пельменей за щеки, а затем выскочила в коридор и пробормотала: – Очень поздно, а у меня мама дома одна.

Женька вцепилась мне в руку, будто боясь отпустить – вдруг я не вернусь снова.

– Обещай, что все мне расскажешь. Про родителей. И вообще. Все-все-все!

- Угу, - клялась я, опасаясь выронить изо рта пельмени.

- И я тебе тоже такое расскажу! - Женька просто лопалась от нетерпения, она выскочила за мной на лестницу и шепнула: - Я кое с кем встречаюсь...

- Чего? - Я чуть не слетела кувыркком по ступеням: моя Женька закрутила роман!

- Только тсс! - Подруга прижала указательный палец к губам и свистела на него. - Все потом. Катись колбаской...

Я засмеялась - так и знала, что этим закончится!

Звуки из пустой квартиры

Я спешила домой, неслась сквозь город к родному дому, и мне казалось, что улицы поют, дороги танцуют, а деревья пляшут. Давно на моей душе не было так светло, как этим поздним сумрачным московским вечером. Мне хотелось ворваться в квартиру, обнять маму, сделав ее хоть немного счастливее, рассказать о том, что помирилась с Женькой. И чтобы потом мы сидели рядом на диване, по телевизору шел какой-нибудь фильм, а мы бы устроили свой театр, изображая актеров. Так давно у нас дома не случалось веселых вечеров! Я вбежала в подъезд, вызвала лифт, но он полз как улитка: еле-еле волочил свой панцирь от этажа к этажу. Ждать не было сил, я рванула вверх, застучала каблуками по ступеням, обгоняя квартиры. Вот и наша дверь выросла над очередным пролетом.

Скорее всего, мама давно сидела на стуле в коридоре и подскочила, лишь только я позвонила.

- Где ты была? - спросила сурово. - Ты знаешь, сколько времени?

- Мамочка, я была у Жени! - Я хотела броситься ей на шею и рассказать о своей радости.

– Не ври мне. – Мама отступила, лицо у нее было точно каменное, бледное, и взгляд совершенно холодный. – Вчера я встретила ее маму, и она рассказала мне, что вы с Женей давно в ссоре.

– Я была у Жени, мы помирились... – Никакой радости в голосе уже не осталось.

– Опять с каким-то мальчишкой до поздней ночи шаталась! – Мама была очень рассержена и ничего не хотела знать. – Хоть бы к телефону подошла, бессовестная!

– Я не слышала телефон. – Вечно запихну его в карман куртки и забуду, а у Женьки было совсем не до мобильного. – И я сейчас ни с кем не встречаюсь...

– Как же я устала от твоего вранья! – Мама потерла виски, будто у нее в голове тоже сидела вездесущая тетя Надя и стучала своим маленьким молоточком. – Повезло Жениной маме. Наверное, бог совесть на вас двоих выдавал, а все одной Жене досталось. Учится хорошо, с мальчишками не гуляет, маме не лжет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/belenkova_kseniya/devochka-po-imeni-solnce

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)